

УДК 159.9

СОЗНАВАНИЕ И ОСОЗНАНИЕ

(Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ)

© 2003 А.Ю.Агафонов

Самарский государственный университет

В статье вводится представление о процессах сознания, предворяющих конечный эффект работы сознания – осознанное переживание. Функциональная роль процессов сознания выражается в семантической преднастройке. Рассмотрены и проанализированы эмпирические свидетельства процессов сознания.

В психологии утвердилось мнение, что фактами сознания следует единственно считать осознанные переживания или, иначе, эффекты осознания. То, что не дано непосредственно в сознании не является содержанием сознательного опыта. (Непосредственную данность содержания сознания, как правило, связывают с чувством субъективной очевидности тех или иных переживаний). Фактически, при такой позиции, сознание отождествляется с осознанием. На мой взгляд, это ошибочное положение, которое фальсифицируется результатами многих экспериментальных исследований.

Прежде следует развести сами понятия «сознание» и «осознание». Под «осознанием» предлагается понимать итоговый эффект работы сознания. «Осознание» является синонимом «непосредственного опыта», то есть таких переживаний, которые субъективно обнаруживаются, и о чем человек в состоянии сообщить как о пережитом опыте. Содержание сознания, которое осознается, назовем «*явленное содержание сознания*». Вероятно, что осознание соотносится с опознанием – заключительным этапом работы сознания и включает в себя вербализацию. То, что осознается, по определению, может быть каким либо образом выражено в слове.

Для того чтобы осознание произошло, сознанию необходимо иметь возможность выбора способа осознания в зависимости от того контекста памяти, в рамках которого будет происходить осмысление. Необходимо особо отметить, что работа механизмов сознания, корреспонденция сознания с памятью самим сознанием не

осознается, но при этом создает возможность конечного эффекта деятельности сознания – осознанного переживания. Таким образом, в сознание включены механизмы, которые, будучи механизмами сознания и определяя его функциональную структуру, сами являются неосознаваемыми. В некотором смысле, то, что обычно называют сознанием, оказывается неосознаваемым. Осознанию подлежат только продукты деятельности сознания. Назовем процессы, предшествующие эффекту осознания процессами «*сознания*», а содержание этих процессов, которое самим сознанием не осознается «*латентным содержанием сознания*». Факты сознания дифференцируются на осознаваемые и неосознаваемые явления. Как по объему информации, так и по скорости ее обработки на процессы сознания не наложено никаких ограничений. Важно подчеркнуть, что последнее утверждение справедливо, если сознание мы рассматриваем как идеализацию, то есть как сознание не эмпирического, а идеального субъекта. (Агафонов А.Ю., 2003, С.27).

Рассмотрим те эмпирические данные, которые согласуются с представлением о латентном содержании сознания. Кроме того, эти данные призваны продемонстрировать, что неосознаваемое содержание сознания в один момент времени непосредственным образом влияет на конечные эффекты осознания в последующие моменты времени. Осознание всегда возможно только в контексте предворяющих конечный, интегральный эффект процессов сознания. Процессы сознания играют роль семантической преднастройки конеч-

ных эффектов осознания. Чтобы что-то осознавать или не осознавать, сознанию необходимо идентифицировать в процессах сознавания то, что нужно или не нужно осознавать. Кроме того, в ходе сознавания сознанием как аппаратом понимания принимается решение о том, как следует осознавать то, что следует осознавать. Только после этого, запускается механизм осознания. Прежде чем обратиться к анализу экспериментальных случаев, надо сделать одно уточнение: *о влиянии латентного содержания сознания на эффекты осознания, в данном контексте, говорится только тогда, когда воздействие, которому соответствует латентное содержание, по времени предшествует объекту осознания.* В наиболее характерной для таких случаев экспериментальной ситуации, стимул предъявляют на короткое время экспозиции, так, что испытуемые не могут даже судить о факте воздействия. Самым известным примером здесь может служить «эффект 25-ого кадра». Таким образом, ниже описанные экспериментальные случаи являются по существу *эффектами семантического предшествования.* Их можно также трактовать как проявление влияния неосознаваемых мнемических контекстов на результаты осознания.

В эксперименте М.Игла испытуемым предъявляли картинки, на которых был изображен один и тот же подросток в трёх различных ситуациях: в первом случае, мальчик подносит господину торт, на второй картинке он наносит человеку удар ножом, на третьей, подросток спокойно стоит в одиночестве. Графически первые две картинки сходны, хотя кардинально отличаются по смысловому сюжету. Испытуемым на подпороговом уровне экспонировали одно из этих сюжетных изображений. Естественно, при малом времени экспозиции, испытуемые не осознавали смысла стимульного изображения. Затем, уже достаточно долго, испытуемым предъявляли нейтральное изображение для того, чтобы они охарактеризовали личность подростка. Если нейтральная ситуация следовала вслед за дракой, то испытуемые оценивали спокойно стоящего подростка отрицательно; если же ей предшествовала

сцена с тортом, то они чаще давали этому же подростку положительную характеристику (См. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я., 1999, С.91,92). Эмпирическим аргументом в пользу существования процессов сознавания может также служить *эффект перцептивной защиты.* Понятие «перцептивная защита» было предложено Дж.Брунером и Л.Постманом (1949) для описания феномена, состоящего в «неспособности воспринять или передать словами материал, который испытуемый рассматривает как неблагоприятный» (Брунер Дж., 1977, С.55). В серии экспериментов установлено, что угрожающие, нецензурные или эмоционально - негативно окрашенные слова имеют более высокий порог опознания. Это парадоксальный факт. Ведь, для того, чтобы не осознавать слово, сознанию необходимо обнаружить и оценить это слово как такой стимул, который не следует осознавать. В противном случае, не происходило бы снижения чувствительности к этим словам. Еще одним важным доводом в обосновании представления о процессах сознавания служит эффект Марсела. В одном из своих экспериментов А.Марсел предъявлял в течение 10 мс либо слово, либо пустое поле, а затем в течение 30 мс хаотически расположенные буквы для маскировки следа в иконической памяти. Вслед за маскировкой испытуемому надо было решить одну из двух задач. В задаче обнаружения от него требовалось только указать, предъявлялось слово или нет. В, так называемой, задаче лексического решения испытуемым предъявляли ряд букв и просили как можно скорее определить, слово это или случайный бессмысленный набор букв. В некоторой части проб предшествующее слово было семантически связано со словом буквенного ряда. Результаты показали, что в задаче обнаружения, испытуемые с равной вероятностью давали положительные ответы, как в случае предъявления слова, так и в ситуации предъявления пустого поля, то есть не осознавали даже факта предъявления стимульного слова. Но несмотря на это, в задаче лексического решения был обнаружен выраженный эффект семантического предшествования: опознание бук-

венного ряда как слова происходило значительно быстрее, если оно было по смыслу связано с предшествующим словом. (См. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я., 1999, С.92). Следовательно, предъявленное в течение всего 10 мс слово, не выходя на уровень осознания, семантически перерабатывается, то есть создается. Последний вывод подтверждают результаты экспериментов, в которых предшествующее слово было двусмысленным. Например, предъявление на подпороговом уровне слова palm (пальма, ладонь) ускоряла лексическое решение (опознание) как для буквенного ряда mapl (клен), так и для буквенного ряда wrist (запястье). (Там же, С.93).

В состоянии гипноза удается обнаружить удивительные эффекты понимания при невозможности опознания (осознания) стимула. Такие эффекты известны давно. Их наблюдали еще Н.Ах и У.Джемс. Вот, например, как Джемс описывает работу сознания в измененном режиме (гипнотическом состоянии): «...Проведите штрих на бумаге или на доске и скажите субъекту, что этого штриха там нет, и он не будет видеть ничего, кроме чистого листа бумаги или чистой доски. Затем, когда он не смотрит, окружите первых штрих другими точно такими же штрихами и спросите его, что он видит. Он будет указывать один за другим на все новые штрихи и пропускать первый, каждый раз независимо от того, сколько будет добавлено новых штрихов... Он слеп только к одному конкретному штриху, занимающему определенное положение на доске или на бумаге,..., и, как ни парадоксально это может звучать, он должен с большей точностью отличать его от всех других ему подобных, чтобы оставаться слепым к нему, когда рядом появились другие». В итоге Джемс делает очень важный для нас вывод: «Он «воспринимает» его в качестве предварительного шага к тому, чтобы не видеть его вообще!» (W.James, 1904, p.607, 608). В.М. Аллахвердов анализирует подобный эффект, полученный в одном из экспериментов (Бассин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е., 1978, с.77), где испытуемому в состоянии гипноза внушалось, «что в ряду карточек, на которых изображены числа,

он не будет видеть ту, на которой изображена формула, дающая после выполнения указанных в ней действий число 6. Карточку, на которой изображено выражение:

$$\frac{\sqrt{16}}{2} * 3,$$

испытуемый перестает после этого воспринимать». «Для того чтобы не увидеть предъявленную карточку, - рассуждает В.М.Аллахвердов, - то есть, чтобы принять решение о невосприятии того, что стоит перед глазами, испытуемый должен за время, отведенное на узнавание, выполнить следующие действия: прочитать формулу, написанную на карточке; провести соответствующие вычисления и получить ответ; затем сравнить этот ответ с заданным в инструкции числом и только после этого принять решение о том, вводить ли информацию о данной карточке в сознание. И всё это делается почти мгновенно!» (В.М.Аллахвердов, 2000, с.278). Факт неосознавания является в данном случае прямым указанием на предшествующие этому, разно функциональные процессы сознания.

Еще одним впечатляющим свидетельством деятельности сознания в аспекте латентного понимания является результат эксперимента, проведенного В.Ф.Петренко и В.В.Кучеренко (См. Петренко В.Ф., 1997, С.12). Испытуемому в состоянии гипноза давалась установка, запрещающая видеть человека, который в данный момент времени находился в комнате. Испытуемый не обнаруживал присутствие этого человека, хотя тот постоянно находился в поле его зрения. Еще более интересно то, что когда «невидимка» включал электробритву, испытуемый не мог понять, откуда доносится звук. Если этот человек вставал на пути испытуемого, уже вышедшего из состояния гипноза, но получившего постгипнотическую инструкцию, то испытуемый останавливался перед ним, не пытаясь пройти «сквозь» него, и при этом впадал в глубокое гипнотическое состояние. Описанный В.Ф.Петренко эксперимент демонстрирует поразительную сложность работы сознания в измененном режиме работы. Проанализируем подробнее описанный феномен. Получая запрет на зрительное вос-

приятие, испытуемый усваивает инструкцию сознательно, так как он должен понять смысл того, что ему предписывается словами внушения. После этого он должен сохранять смысл в памяти, то есть, должен всегда помнить, что из воспринимаемого ему нужно не воспринимать. Но, чтобы не воспринимать, он должен, воспринимая, сознательно идентифицировать тот объект, который требуется не воспринимать. Только в этом случае испытуемый мог бы не видеть то, что ему видеть запрещено. Факт видения в той же степени предполагает осмысление, как и осознание, предполагает видение, потому как в каждый момент восприятия «невидимки» испытуемый сознавал его в качестве того объекта, который видеть не надо. Испытуемый в один и тот же момент времени и видит, то, что не осознает и сознает то, что «не видит». Но как было уже сказано, видение без осознания возможно только в том случае, если само сознание понимает, что надо видеть, а что - нет.

Итак, для того, чтобы «не видеть», необходимо:

- 1) знать, что именно видеть запрещено, то есть, помнить об этом в каждый момент действия «запрещенного» стимула;
- 2) видеть то, что видеть запрещено, так как только при этом обязательном условии можно обнаружить объект;
- 3) сознавать, то есть идентифицировать объект как такой, который видеть запрещено;
- 4) не осознавать объект, находящийся в зрительном поле.

В наших экспериментах (См. Агафонов А.Ю., 2003, С.242) испытуемый в гипнотическом состоянии получал императивную инструкцию, которой предписывался запрет на восприятие желтого цвета. В одном из опытов его просили назвать цвет геометрических фигур, разложенных перед ним на столе. Испытуемый, правильно называя все цвета, не мог назвать цвет желтого квадрата. Показательна реакция испытуемого, который при всем желании вспомнить название цвета, был не способен это сделать: «Я помню, что помню этот цвет. У меня есть кофта такого цвета...*(Испытуемый был одет в кофту*

желтого цвета. – А.А.). Но, я не могу его назвать. Я вижу его, но не знаю, как он называется». В другом опыте, испытуемый, после получения запрета на восприятие желтого цвета, должен был решать арифметические задачи. Все цифры, из которых были составлены числа, были написаны чернилами разных цветов. Некоторые цифры были написаны желтыми чернилами. Так, в примере

$$84 : 2 =$$

цифра «8» - была изображена синим цветом, цифра «4» - желтым, цифра «2» - красным, математические знаки – коричневым цветом. Испытуемый, решая этот пример, в ответе писал «4». Понятно, что для того чтобы, «не видеть» желтый цвет, необходимо не только его видеть, но и сознавать как тот цвет, который видеть запрещено. Только идентифицируя цвет как желтый, можно принять решение о его неосознавании, исходя из содержания того мнемического контекста, который был образован в результате внушенного запрета. Иными словами, чтобы что-то не осознавать, сознанию необходимо сначала сознавать то, что не следует осознавать.

В рамках когнитивной психологии проведено множество экспериментов, результаты которых можно объяснить исходя из предложенной схемы. Приведу дословное описание одного из таких исследований. (См. Солсо Р.Л., 1996, С.123). «...Вслед за некоторыми словами, предъявляемыми на контролируемое внимание ухо, следовал удар тока. Повторное предъявление этих слов вызывало изменения КГР. После выработки условной кожно-гальванической реакции, испытуемых просили оттенить (сконцентрировать на нем внимание) одно из сообщений. Неожиданно, слово, на которое была выработана условная реакция, предъявлялось по игнорируемому каналу. (То есть, на тот слуховой канал, который по инструкции, не следует контролировать вниманием.) Оказалось, что когда это случалось, регистрировалось изменение КГР. В одном из экспериментов (фон Райт и др.) изменение КГР происходило в результате предъявления не только условного слова, но и его синонимов и омонимов». Аналогичный эксперимент,

поставленный в парадигме дихотического слушания, был проведен П.Форстером и Э.Гоувером. (Forster P.M., Govier E., 1978, p.1031-1058). В предварительной серии опытов предъявление слова «корабли» сопровождалось ударом тока до тех пор, пока это слово без сопровождения электро-током, не вызывало условно-оборонительной реакции, которая фиксировалась по изменению КГР. Затем в тексте нерелевантного сообщения предъявлялось слово, близкое по смыслу («лодки»). В этом случае, наблюдалось возрастание КГР. В приведенных примерах, испытуемый сознавал не только сообщение, предъявляемое по релевантному каналу, но также и сообщение, на которое по инструкции, не требовалось обращать внимания, то есть то, которое проходило по игнорируемому каналу. И, хотя испытуемый после экспериментальной процедуры ничего не мог сказать о содержании игнорируемого сообщения, что согласуется с результатами, полученными еще в экспериментах К.Черри, то есть не мог воспроизвести содержание того, что он слышал, тем не менее, слова игнорируемого сообщения обрабатывались сознанием. А это означает, что они осмысливались в тексте сознания с учетом той акцентуации области смысла, которая была вызвана подкреплением электро-током соответствующего слова-мишени. Данное объяснение было бы неубедительным, если бы КГ - реакцию (по всей видимости, измерялась амплитуда фазической КГР) вызывало то слово, которое и подкреплялось в подготовительном этапе эксперимента, то есть само слово - мишень. Однако изменения КГР вызывали синонимы этого слова, то есть слова, которые входили в область смысла подкрепляемого слова, но имели другое фонетическое строение. Кожно - гальваническая реакция - это не просто реакция потоотделения. Потоотделение, как раз побочный результат изменений в психической, главным образом, эмоциональной сфере человека. Чтобы произошло изменение КГР в момент восприятия слова - синонима, находящегося в игнорируемом канале, сознание должно идентифицировать смысл, релевантный этому слову, установить

смысловую связь, то есть произвести сличение со смыслом, который соответствует значению слова - мишени, и диагностировать смысловое сходство, то есть определить слово - синоним как эмоциогенный стимул на основании родственной смысловой близости со словом - мишенью. В противном случае, выделение этого слова как «информации» из «шума» неконтролируемого вниманием сообщения, не могло произойти. Но описанная последовательность когнитивных операций как раз и свидетельствует о том, что сознание способно реализовывать понимание вне поля фокусированного внимания, и такое латентное понимание не может быть обнаружено методами воспроизведения, узнавания, то есть методами, призванными установить факт осознания в ходе процедуры оценки продуктивности воспоминания. Если сознание всецело связывать с функцией осознания, то результаты описанного, а также других экспериментов, выполненных в рамках когнитивной психологии внимания (например, известных экспериментов Э.Трейсмана), было бы объяснить весьма затруднительно.

Таким образом, экспериментальные данные показывают, что явления сознания имеют место даже тогда, когда сам человек в результате ретроспективного анализа не может о них судить как о явлениях, происходивших в его психике. Парадокс состоит в том, что сознание человека в момент своей актуальной работы «знает» обо всем, что в нем происходит, а человек в последующие моменты времени даже не способен произвольно вспомнить о том (то есть, иметь латентное содержание прошлых состояний сознания в качестве актуального явленного содержания сознания), что он помнит.

Подведем итог: все содержание сознания в рамках текущего настоящего нельзя отождествлять с тем содержанием, которое открыто для анализа, переживается как непосредственно данное в сознании, то есть с содержанием, к которому в последующие моменты времени открыт сознательный доступ. Именно о таком содержании сознания человек сообщает как о том, что он пережил и запомнил, иначе говоря,

осознал ранее. Как раз это содержание, оставаясь в бессознательной психике субъекта, заполняет ту мнемическую зону, к которой в будущем доступ сознания потенциально открыт (Агафонов А.Ю., 2003, С.203, 204). Такое содержание актуального сознания (а сознание всегда работает в актуальном режиме) было названо *явленным содержанием*. Вышеописанные экспериментальные факты позволяют утверждать, что сознание имеет также и *латентное содержание*, о котором, не представляется возможным субъективно судить ни в какой момент времени, следующий за моментом его существования в сознании. Однако когда это содержание присутствует в сознании, безусловно, самим сознанием это содержание осознается. Это латентное содержание сознания также остается в памяти и, наряду с прочими смыслообразованиями, обуславливает работу сознания в последующие моменты времени, так как бессознательное, понимаемое как память в аспекте сохранения информации, предопределяет работу сознания в настоящем. Поскольку ни в какой момент времени невозможно произвольное воспроизведение этой информации, следует считать, что она хранится в тех зонах памяти, куда, во всяком случае, в обычном режиме работы сознания, доступ заблокирован. Что происходит в измененных состояниях сознания с этим содержанием памяти - это тема отдельного обсуждения.

Итак, процессы сознавания участвуют в установлении конечного эффекта осознания как результата принятого сознанием решения о том, что нужно осознавать, а что нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб, 2003.
2. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб, 2000.
3. Бассин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е. Основные критерии рассмотрения бессознательного в качестве своеобразной формы психической деятельности // Бессознательное. Т.1. Тб., 1978.
4. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
5. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1999.
6. Петренко В.Ф. Личность человека – основа его картины мира / Модели мира. Под ред. Д.А.Поспелова. М., 1997.
7. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.
8. Forster P.M., Govier E. Discrimination without awareness? // Quarterly Journal of Experimental Psychology. V.7, N 5, 1978.
9. James W. The principles of psychology. Vol. II. N.Y., 1904.

THE PROCESSES OF 'BECOMING CONSCIOUS OF' AND AWARENESS

© 2003 A.J.Agafonov

Samara state university

This paper describes the processes of 'becoming aware of'. These processes precede the awareness, that is described as a final result of the work of the consciousness. The functional meaning of the processes of 'becoming aware of' is to tune up the meaning structures. Empirical facts of the processes of 'becoming aware of' are discussed and analyzed.